

УДК 34**Правовые аспекты международного банкротства физических лиц
при наличии активов и кредиторов за рубежом****Новикова Юлия Николаевна**

Исследователь,
Московский университет им. А.С. Грибоедова,
105066, Российская Федерация, Москва, ул. Новая Басманная, 35;
e-mail: Novikova@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются комплексные правовые вопросы, возникающие при международном банкротстве физических лиц, обладающих активами или кредиторами за пределами страны основного проживания. Центральной проблемой выступает столкновение различных национальных правовых систем, затрудняющее признание и исполнение судебных решений о несостоятельности, определение применимого права и координацию между судами разных государств. Особое внимание уделяется критерию определения центра основных интересов должника (COMI), который играет ключевую роль в установлении юрисдикции для основного производства по делу о банкротстве, преимущественно в рамках права ЕС. Автор анализирует сложности, порождаемые необходимостью параллельного или вспомогательного производства в странах нахождения активов должника, что ведет к значительному увеличению временных и финансовых издержек. Подчеркивается конфликт между доктриной универсальности (стремление к единой мировой процедуре) и доктриной территориальности (право каждой страны на свою процедуру в отношении локального имущества). Исследуются практические препятствия, включая различия в процедурах уведомления иностранных кредиторов, признании полномочий арбитражных управляющих, оспаривании сделок должника, совершенных до банкротства, и классификации активов (особенно цифровых, таких как криптовалюта). Статья освещает актуальные проблемы, усугубляемые глобализацией: рост мобильности граждан, увеличение трансграничных финансовых обязательств, использование офшоров для сокрытия активов и стратегический выбор «удобных» юрисдикций. Рассматриваются коллизии с другими отраслями права (семейным, налоговым, потребительским) и вопросы приоритета требований (например, иностранных налоговых органов или алиментных обязательств). Отмечается тенденция к расширению судебной практики, основанной на принципах добросовестности и кооперации, а также растущая роль цифровизации судопроизводства и альтернативных способов разрешения споров. Делается вывод о том, что, несмотря на усилия по гармонизации (через международные конвенции, регламенты ЕС и рекомендации организаций типа ЮНСИТРАЛ), правовое регулирование международного банкротства физлиц остается фрагментированным. Его эффективность в значительной степени зависит от готовности государств к взаимному признанию решений и компромиссам в вопросах публичного порядка, а также от высокого уровня компетенции участвующих юристов и управляющих, работающих в условиях множества правовых систем.

Для цитирования в научных исследованиях

Новикова Ю.Н. Правовые аспекты международного банкротства физических лиц при наличии активов и кредиторов за рубежом // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 3А. С. 259-274.

Ключевые слова

Международное банкротство, физические лица, трансграничные активы, COMI, признание решений.

Введение

Международное банкротство физических лиц представляет собой сложный комплекс правовых процедур, возникающих в связи с тем, что у должника имеются активы за рубежом или иностранные кредиторы, претендующие на удовлетворение своих требований [Пахолкова, 2023]. Существование трансграничных обязательств и разнообразие правовых систем создаёт массу вопросов в отношении признания и исполнения судебных актов, определения применимого права, а также взаимного сотрудничества между судебными и административными органами разных государств. Основной сложностью для должника, имеющего активы в нескольких странах, является необходимость согласованного прохождения процедуры банкротства одновременно в нескольких юрисдикциях, что порождает дополнительные затраты и временные издержки. Нормативная база, регулирующая международное банкротство, складывается из многосторонних и двусторонних соглашений, национальных кодексов и практики судебных органов. Важно также учитывать практику применения различных норм в зависимости от страны, в которой находится определённое имущество должника. Координация разнородных правовых норм зачастую осложняется различиями в правовой культуре и законодательных подходах, что требует от участников процесса специальной правовой экспертизы.

Регулирование международного банкротства физических лиц опирается на целый комплекс норм международного частного права, а также на регламенты и конвенции, которые были подписаны многими странами с целью унифицировать процедуру и упростить взаимодействие между судами [Клевцов, Масленникова, 2023]. К числу таких документов можно отнести, в частности, некоторые положения Регламента ЕС о несостоятельности, которые, хоть и были изначально ориентированы на юридических лиц, также содержат положения, применимые к физическим лицам. Одновременно с тем, многие государства в своём собственном законодательстве об *insolvency* учитывают международные аспекты, предусматривая механизмы признания иностранных судебных решений. Однако признание судебного решения о банкротстве в другой стране возможно лишь при соблюдении ряда условий, включая вопросы подсудности, соблюдения принципов национального публичного порядка и процессуальных гарантий. Это означает, что окончательное решение одного государства не всегда будет автоматически признано в другом. Подобная неопределённость создаёт сложности для кредиторов, пытающихся получить удовлетворение за счёт имущества, находящегося за пределами юрисдикции, в которой было начато производство о банкротстве.

Материалы и методы исследования

Большую роль в вопросах международного банкротства играет так называемая СОМІ (Center of Main Interests) – «центр основных интересов» должника, который часто служит критерием для определения, в какой стране должно быть открыто основное производство [Назметдинов, Кошель, 2024]. В рамках права Европейского союза именно этот критерий позволяет идентифицировать, какие суды обладают юрисдикцией рассматривать дело. Если должник ведёт активную экономическую деятельность в одной стране, но фактически проживает в другой, могут возникать коллизии в определении центра основных интересов и, как следствие, сложности в признании и исполнении решений. Судебные органы должны исследовать место ведения бизнеса, нахождения административных органов, где проживает семья, и иные факторы, чтобы удержать центр основных интересов в пределах выбранного государства. Нередко на практике возникают споры между кредиторами и должником относительно правильности выбора юрисдикции для начала процедуры банкротства. Подобные конфликты нередко оборачиваются затяжными судебными разбирательствами. При этом от оперативного разрешения подобного вопроса зависит возможность быстрой реализации имущества для удовлетворения требований кредиторов.

Статус физических лиц, имеющих международные активы, в рамках процедур банкротства также зависит от классификации самих активов и места их нахождения [Дьяченко, Лактионов, 2024]. Например, если у должника есть недвижимость в Великобритании, а банковские счета – во Франции, то в отношении этих отдельных видов имущества могут действовать разные требования местной юрисдикции для обращения взыскания. Следует учитывать, что, помимо национального права, могут применяться международные договоры, направленные на упрощение оборота юридически значимых решений. Проблемы возникают, когда одно государство допускает определённую процессуальную форму банкротства, а другое считает её противоречащей собственному публичному порядку. Возникают многочисленные вопросы о преюдициальном эффекте решений иностранных судов. Помимо этого, нередко должники пытаются использовать «арбитраж юрисдикции», выбирая для банкротства ту страну, где процедура выглядит наиболее благоприятной для них. Однако свободный выбор далеко не всегда возможен законодательно, ведь каждое государство защищает совокупность своих национальных интересов.

Результаты и обсуждение

Многие вопросы, связанные с международным банкротством физических лиц, особенно актуальны в последнее время, когда выросла мобильность людей, объём трансграничных сделок и частных инвестиций [Яковец, 2021]. Увеличение числа граждан, имеющих активы в разных странах и выплату кредитов за рубежом, изменило подходы к регулированию банкротных процедур. Должнику необходимо соблюдать целый ряд регистрационных и раскрывающих обязательств в каждой юрисдикции, где он располагает имуществом, чтобы суды и кредиторы могли учесть всю картину финансового положения. Скрытие информации или перенос активов в юрисдикции с более мягкими законами без уведомления суда может квалифицироваться как недобросовестные действия. Задача суда состоит в обеспечении принципа максимального удовлетворения интересов кредиторов и сохранении баланса интересов добросовестного должника, который стремится пройти процедуру и освободиться от долгов. Тем не менее, если

удаётся подтвердить, что центр основных интересов находится именно в государстве, в котором поданы документы о банкротстве, то данная процедура может распространяться и на имущество, находящееся в других странах, при условии признания со стороны этих государств.

Правовые аспекты международного банкротства регулируются множеством правовых актов, которые не всегда синхронизированы, что создаёт дополнительные препятствия для эффективной реализации процедуры [Колчина, Голышев, 2023]. На практике нередко возникает необходимость параллельных производств в нескольких юрисдикциях, когда основное производство протекает в стране СОМІ, а вспомогательные — в странах, где у должника имеются значимые активы. Вспомогательные процедуры предполагают, что в каждой стране действуют местные специализированные органы, уполномоченные осуществлять управление соответствующим имуществом и удовлетворять требования местных кредиторов. Механизмы координации этих параллельных процессов могут быть закреплены в двусторонних договорах или определены специальными регламентами, но на практике всё равно часто возникает путаница, ведь каждая страна может по-своему трактовать понятие “вспомогательное производство”. Иногда суды одной страны оспаривают компетенцию судов другой страны, пытаясь приоритизировать собственные интересы. Для должника это оборачивается ещё большими расходами, поскольку приходится оплачивать услуги нескольких юридических команд и взаимодействовать с широким кругом уполномоченных лиц.

Значительным подспорьем в решении вопросов международного банкротства может служить доктрина универсальности, предполагающая, что одна универсальная процедура, открытая в стране СОМІ, должна рассматриваться в качестве единой для всего мира [Милов, Андреев, 2021]. Однако на пути реализации этого принципа стоит доктрина территориальности, которая чаще всего встречается на практике и утверждает, что каждая страна имеет право проводить собственную процедуру в отношении имущества на своей территории. В итоге, несмотря на существование инструментов международного взаимодействия, большинство вопросов на практике остаются подвластны национальному праву. Правовые системы всё активнее развивают механизмы признания иностранных процедур и включения иностранных кредиторов в реестр требований, в том числе в режиме онлайн. При этом взыскивать имущество за границей можно только при условии, что национальные суды согласны признать постановление иностранного суда и подчиниться общим принципам нейтральности. Если, например, в иностранном правовом порядке допускаются определённые меры, которые считаются радикальными или противоречащими публичному порядку в иной юрисдикции, то координатор международного процесса может столкнуться с проблемами в получении признания.

В свете глобализации финансовых рынков и расширяющихся возможностей для физических лиц вести бизнес за пределами родной страны возрастает риск того, что задолженность будет формироваться сразу в нескольких государствах [Чинчевич, 2021]. Налогообложение, кредиты, инвестиции в недвижимость и другие формы экономической активности приводят к появлению множества интересов. Развитие электронных способов ведения расчётов усиленно поспособствовало тому, что у должника могло появиться несколько счетов в разных валютах и разных странах, а также активы, спрятанные в таких «финансовых гаванях», где прозрачность финансовых потоков оставляет желать лучшего. Если же физическое лицо вынуждено начать процедуру несостоятельности, суды и кредиторы столкнутся с проблемой поиска и идентификации всех активов. Соккрытие имущества за границей — давняя практика в попытке избежать уплаты долгов, что вызывает у правоприменителей множество сложностей. Однако эффективная международная кооперация и налаженное взаимодействие регуляторов

различными способами снижают эти риски. Тем не менее, процесс остаётся крайне трудоёмким и часто требует привлечения экспертов по международному праву и финансовому аудиту.

Эффективность международной процедуры банкротства зависит и от того, как регулируется статус кредиторов-нерезидентов [Legal regulation of the liquidation procedure in the case of bankruptcy of legal entities, 2023]. Если физическое лицо имеет долги перед банками и финансовыми структурами разных стран, может возникнуть конфликт относительно приоритета требований. Некоторые юрисдикции отдают предпочтение местным кредиторам, другие пытаются тщательно соблюдать принцип равенства всех кредиторов. Суд, ведущий основное производство, должен определить, какие требования будут считаться первоочередными и в какой последовательности они удовлетворяются. При этом параллельные процедуры могут назначать собственные приоритеты, что формирует дополнительный риск для кредиторов, рассчитывающих получить выплату за счёт имущества за пределами основной юрисдикции. Практика показывает, что в таких ситуациях важно быстро предоставить суду в другой стране доказательства о наличии производства в стране СОМІ, чтобы попытаться приостановить местное разбирательство. Признание статуса иностранного управляющего имеет критическое значение, ведь именно он управляет конкурсной массой и формирует реестр требований.

Судебная практика по вопросам международного банкротства физических лиц в последнее десятилетие демонстрирует тенденцию к расширению принципа добросовестности и кооперации [Мысак, 2021]. Вместе с тем, остаются сложные случаи, когда должник сознательно скрывает активы или фактически переводит их под контроль третьих лиц в более “выгодной” юрисдикции. Иной раз кредиторы, пытаясь вернуть деньги, последовательно инициируют процедуры в нескольких странах, что приводит к дублированию исков и расходов. Учитывая высокую стоимость услуг адвокатов в международных спорах, итоговая сумма затрат может оказаться весьма обременительной как для должника, так и для кредиторов. При этом существуют механизмы вмешательства центральных органов, уполномоченных правительствами подписавших соответствующие соглашения государств, которые могут помогать в координации судебных действий. Но, даже если государство формально подписало многосторонние соглашения, их практическое применение оставляет простор для толкований.

Банкротство физических лиц с участием иностранных кредиторов требует учёта особенностей процедуры уведомления, ведь кредитор может находиться в стране, где действует особый порядок отправки судебных документов [Рябичева, Абасова, Джабраилова, 2021]. Недоставленные вовремя документы могут привести к пропуску судебных сроков, и тогда требования иностранного кредитора могут вообще не быть рассмотрены или будут отклонены. Для избегания подобных ситуаций суд нередко возлагает на должника обязанность активного содействия в информировании кредиторов. Одновременно в правовых системах некоторых стран существует требование к местной регистрации иностранного кредитора как участника процесса, чтобы он мог пользоваться теми же процессуальными правами, что и отечественные лица. Всё это усложняет процедуру и создаёт дополнительную бумажную волокиту. К тому же, языковые барьеры, необходимость перевода документации и различия в правовых терминах также увеличивают риск недопонимания.

С практической точки зрения, международное банкротство физических лиц во многом завязано на работе арбитражного или конкурсного управляющего, чьи полномочия должны признаваться в разных странах [Крахмалев, 2021]. Управляющий несёт ответственность за сбор и консолидацию всей конкурсной массы, а также за удовлетворение требований кредиторов

пропорционально их законным притязаниям. Важно отметить, что в некоторых юрисдикциях управляющий имеет значительно более широкие полномочия, в то время как в других его функции могут быть строго ограничены. Чтобы обеспечить эффективность, управляющий сотрудничает со специалистами по налоговому праву, аудиторами, оценщиками, и иногда даже с правоохранительными органами при наличии подозрений в преступных схемах. Если нет серьёзного конфликта интересов, управляющие разных стран могут заключать соглашение о взаимодействии, которое упрощает обмен информацией и документы для признания. Однако и здесь нет абсолютных гарантий, поскольку каждый управляющий подотчётен собственным судебным органам и должен соблюдать национальное законодательство.

В последнее время в сфере международного банкротства активно обсуждается тема цифровых активов и криптовалют, поскольку они могут находиться на децентрализованных платформах и не привязаны к определённой территории [Седова, Арбузов, 2023]. Возникает вопрос: как считать юрисдикцию для такого вида имущества и возможно ли юридически корректное обращение взыскания на подобные активы? Традиционные правовые нормы часто отстают от развития технологий, и суды разных стран пока лишь формируют практику по этим вопросам. Некоторые страны принимают специальные законы, признающие криптовалюту в качестве имущества, другие же продолжают относиться к ней как к особому активу, предполагающему иной правовой режим. Для кредиторов наличие подобных активов может быть весьма привлекательным, поскольку они обладают высокой ликвидностью, но для конкурсного управляющего возникает серьёзная техническая задача по поиску и обращению взыскания на эти ценности. Появляются платформы, специализирующиеся на отслеживании транзакций и поиске криптокошельков, подозреваемых в принадлежности должнику.

Особое место в регулировании международного банкротства занимает проблема участия государственных органов, если должник имеет задолженности, связанные с налогами или штрафами перед иностранным государством [Мысак, 2024]. Такие требования могут обладать особым приоритетом, который определён публичным правом соответствующей страны. Не все юрисдикции готовы признавать и принудительно исполнять иные решения в части налоговых санкций, поскольку они могут восприниматься как мера сугубо публичного управления. Но тенденция к международному сотрудничеству в вопросах борьбы с отмыванием денег и уклонением от налогов постепенно укрепляет статус подобных обязательств. В то же время, возникает серьёзная дискуссия о пределах суверенитета: если лицо проживает в одной стране, а налоги не заплачены в другой, какие именно органы должны иметь право инициировать процедуру несостоятельности? Порой судебные прецеденты позволяют выработать общие стандарты, но разные государства по-разному защищают свои фискальные интересы.

Щекотливым моментов остаётся и вопрос об алиментных обязательствах, которые могут существовать у должника в другой стране. В некоторых юрисдикциях такие платежи имеют абсолютный приоритет и не списываются в ходе банкротства, поскольку речь идёт о защите прав ребёнка или другого иждивенца. Однако если алиментные выплаты формально приравнены к текущим обязательствам, они могут быть рассмотрены в общем порядке. Иные правовые системы наделяют должника возможностью значительно уменьшить сумму алиментов или даже добиться их списания, что, безусловно, создаёт морально и юридически сложные ситуации. Для суда важно определить, связано ли местное законодательство с теми обязательствами, которые возникли в другой стране, и обязателен ли к исполнению иностранный судебный акт о взыскании алиментов. Нередко стороны стремятся перенести вопрос алиментов в юрисдикцию, где существует более благоприятный правовой режим. Всё

это усложняет и удлинняет процедуру банкротства физического лица, имеющего такие семейные обязательства.

Момент освобождения от долгов после завершения процедуры банкротства варьируется от страны к стране, и это несёт важные правовые последствия [Дьяченко, Лактионов, 2024]. В некоторых юрисдикциях физическое лицо освобождается от всех долгов, кроме узкого круга обязательств (налоги, штрафы, алименты и др.), в иных же может вводиться запрет на полное списание некоторых категорий долгов, таких как студенческие кредиты или долги по ипотеке. Когда речь идёт о международном банкротстве, вопрос о том, будет ли предоставлено освобождение от долгов во всех заинтересованных государствах, стоит особенно остро, поскольку в одних странах могут признаваться решения о списании, а в других нет. Нередко должник, желая добиться максимального эффекта, старается выбрать юрисдикцию с наиболее либеральным законодательством о списании долгов, но существует риск, что решение этой страны не будет признано в ином государстве. В результате должник может продолжать оставаться должником там, где решение иностранного суда не действует. Подобная неоднородность мирового правового пространства обуславливает высокую сложность для всех участников процедуры.

Процедура установления требований кредиторов в трансграничном контексте может иметь дополнительные этапы сверки и подтверждения данных [Милов, Андреев, 2021]. Суду зачастую приходится рассматривать документацию на нескольких языках, при этом механизм апостилирования или консульской легализации документов выходит на первый план. Чем больше кредиторов и чем шире география их местонахождения, тем более масштабной становится подготовка к судебному заседанию. Иногда должнику приходится нанимать несколько юридических фирм в разных странах, чтобы адекватно отреагировать на претензии. Кредиторы, в свою очередь, вынуждены обеспечивать перевод своих требований и доказательств на язык, понятный суду, где открыто основное производство. Нередко судебные органы ограничивают сроки подачи требований, поэтому промедление, вызванное сложностями в общении или оформлении документов, может стоить кредитору шансов на погашение. При этом суд при рассмотрении вопроса о включении требований в реестр должен оценить их законность и обоснованность, сверяясь с нормами международного частного права и учитывая коллизионные привязки.

Вопрос обеспечения мер в рамках международного банкротства связан с сохранением имущества и недопущением его отчуждения без одобрения суда и управляющего [Пахолкова, 2023]. Нередко предпринимаются меры по замораживанию активов в разных государствах, чему могут препятствовать различия в национальном законодательстве о временных обеспечительных мерах. Огромное значение приобретает скорость принятия таких мер, ведь если должник успеет перевести средства или переписать имущество на третьих лиц до того, как будет вынесено решение о замораживании, шансы на удовлетворение требований кредиторов существенно снижаются. В некоторых случаях суд может вывести имущество из владения должника уже на стадии предварительного рассмотрения заявления о банкротстве, если имеются веские основания полагать, что иначе должник совершит действия по отчуждению. Однако реализация такого механизма за границей требует признания юридической силы решения суда одной страны в другой, что опять-таки упирается в вопросы публичного порядка и процедуры признания.

Необходимо также принимать во внимание способы оспаривания сделок должника, совершённых за определённый период до начала процедуры, если целью таких сделок было

уменьшить конкурсную массу [Назметдинов, Кошель, 2024]. В каждой стране установлены собственные «подозрительные периоды», в которые сделки могут быть признаны недействительными. Если физическое лицо, предвидя банкротство, передаёт недвижимость родственникам или совершает дарения крупной суммы денег, управляющий может попытаться вернуть это имущество в конкурсную массу, но в трансграничном контексте нужно будет обращаться в суды тех стран, где такие сделки были совершены. Сложность возникает при попытке доказать, что сделка носила притворный характер, особенно если законодательство иностранного государства предъявляет другие требования к доказательствам недобросовестности. И если в одной стране сделка признана недействительной, не факт, что аналогичное решение будет автоматически принято в другом государстве. Безусловно, это создаёт дополнительную правовую неопределённость для кредиторов, которые могут потратить средства на тяжбы, но так и не получить нужный правовой результат.

В законодательных системах некоторых государств предусматриваются специальные правила для лиц, которые занимались предпринимательской деятельностью за рубежом, например, через филиалы или представительства. Если банкротом становится индивидуальный предприниматель или владелец небольшой компании, то нередко возникает вопрос о том, распространяется ли его личная ответственность на долги, возникшие у зарубежной структуры. В странах с англосаксонской традицией, как правило, могут действовать принципы ограниченной ответственности через корпоративные формы, но если речь о физическом лице, все активы и обязательства зачастую смешиваются. Суд должен тщательно исследовать, не стал ли должник использовать подставные компании, чтобы уклониться от уплаты долгов. В случае обнаружения схемы, направленной на злоупотребление корпоративной оболочкой, суд может «прорвать корпоративную вуаль» и обратить взыскание на личное имущество, независимо от места его регистрации. Однако сам факт регистрации компании за рубежом усложняет процедуру, так как требуется анализ иностранного корпоративного законодательства.

При рассмотрении дел о несостоятельности физического лица с иностранным элементом часто поднимается вопрос, возможно ли заключение мирового соглашения или соглашения о реструктуризации долгов, которое охватывало бы требования кредиторов из разных стран [Колчина, Голышев, 2023]. Такие соглашения помогают избежать более длительной и дорогостоящей процедуры банкротства, если стороны готовы к компромиссам. Но международный характер конфликта осложняет юридическую технику оформления подобных договоров. Нужно учесть не только нормы о форме и порядке заключения мирового соглашения, но и правила о его признании в разных юрисдикциях. Кредиторы, не согласные с условиями реструктуризации, могут оспорить договор в своей стране, поставив под угрозу его исполнение в целом. Суд, со своей стороны, стремится предоставить мировому соглашению полную силу, но это невозможно без применения коллизионных норм. Несмотря на все трудности, практика показывает, что в некоторых случаях удаётся подписать единое соглашение, которое удовлетворяет интересы большинства кредиторов.

Глобальный характер экономической деятельности физических лиц вызывает к жизни различные системы коллизионного права, регулирующие право, применимое к обязательствам [Чинчевич, 2021]. Для договорных обязательств часто учитывают принцип автономии воли, а для вещей действует принцип места их нахождения. Если где-то возникает обязательство по возмещению ущерба, суд определяет применимое право, опираясь на законы о деликтах. Институт банкротства, находясь на стыке публичного и частного права, сочетает в себе элементы координации и подчинения. Когда суд делает выбор права, которым будет

руководствоваться при рассмотрении, он не всегда может игнорировать те или иные нормы национального законодательства других стран. В свою очередь, кредиторы, опираясь на коллизионные нормы, могут ссылаться на более для них выгодные положения, добиваясь включения своих требований в более высокий приоритет. Всё это отражает сложную динамику международной несостоятельности, где пересекаются множество ветвей права.

Одним из ключевых аспектов, которые необходимо учитывать при трансграничном банкротстве физических лиц, является взаимодействие права банкротства с семейным правом, так как многие активы могут принадлежать совместно супругам [Мысак, 2021]. В разных государствах по-разному регулируются совместное и раздельное имущество супругов. Если должник состоит в браке с иностранным гражданином, это может усложнить определение доли имущества, подлежащего включению в конкурсную массу. Некоторые национальные правовые порядки требуют согласия супруга на передачу имущества в залог, другие – нет, что даёт основание признать сделку недействительной. Вопрос усложняется, если брак оформлен в одном государстве, недвижимость куплена во втором, а счет в банке открыт в третьем. Именно поэтому суд и управляющий должны тщательно анализировать семейное положение должника и характер совместно нажитых активов. При наличии брачного договора международное банкротство может стать ещё более многоступенчатым, ибо нужно проверить, признаётся ли данный договор в тех странах, где у должника или супругов есть имущество.

Развитие институтов международного банкротства во многом происходит под влиянием прецедентных решений, особенно в странах англосаксонской правовой семьи [Милов, Андреев, 2021]. Хотя прецедент не играет столь значимой роли в континентальной системе права, государства нередко учитывают иностранные судебные практики, если в их собственном законодательстве нет ясного ответа на новомодные финансовые вопросы. Крупные кейсы трансграничных банкротств физических лиц становятся объектом детального анализа научного сообщества, способствуют обсуждению на профильных конференциях и, в итоге, способствуют укреплению международного сотрудничества. При этом законодатель всё активнее прислушивается к рекомендациям международных организаций, таких как ЮНСИТРАЛ, Международный валютный фонд и Всемирный банк, которые регулярно публикуют руководящие принципы по вопросам несостоятельности. Однако внедрение этих рекомендаций в национальные законодательства — процесс, идущий не всегда гладко, потому что каждая страна заинтересована в защите своих налоговых, социальных и экономических интересов.

Спорным вопросом остаётся объём защиты прав потребителей, если они стали должниками в трансграничных договорах, например, ипотечных кредитах или потребительских займах [Legal regulation of the liquidation procedure in the case of bankruptcy of legal entities, 2023]. Многими странами декларируется принцип особенной защиты слабой стороны в договорных отношениях, но в реальности, когда кредитор находится за рубежом, а заёмщик — в своей стране, попробуй ещё докажете, какие стандарты защиты были нарушены и к каким нормам следует обращаться. Для потребителей ситуация может усложняться тем, что иностранные кредиторы настаивают на применении права страны, где заключён договор, не учитывая при этом местные нормы о защите прав потребителей. При банкротстве такой потребитель может оказаться в положении, при котором ему сложно доказать в иностранном суде, что договор содержал кабальные условия. В итоге на практике это может привести к отсутствию реальной защиты и к увеличению сумм, подлежащих возврату, а значит и к усложнению процедуры несостоятельности.

Будущее международного банкротства физлиц, вероятно, связано с развитием единой

нормативной базы, хотя сегодня это видится отдалённой перспективой [Крахмалев, 2021]. Экономическая интеграция и рост трансграничных сделок создают давление на государства, побуждая искать более согласованные решения. Однако каждая национальная правовая система выработала способы защиты своих интересов, и полная унификация столкнётся с множеством препятствий. Многие будут зависеть от того, насколько государства готовы идти на компромиссы в части публичного порядка и признания юрисдикции друг друга. Некоторые эксперты полагают, что наиболее эффективным путём может стать развитие сети двусторонних и многосторонних договоров, способствующих признанию иностранных решений и предоставляющих определённые гарантии кредиторам и должникам. Такой путь уже прошла сфера семейного права и исполнительного производства, поэтому есть надежда, что и в вопросах банкротства прогресс будет очевидным.

Проблема уклонения от погашения долгов через выбор «удобной» юрисдикции остаётся одной из самых болезненных тем в международном банкротстве [Рябичева, Абасова, Джабраилова, 2021]. Благодаря глобализации человек может относительно свободно менять страну проживания, открывать счета в офшорах и формировать сложные цепочки владения активами. В результате даже при наличии правовых механизмов взаимодействия между судами, на практике разыскание и арест имущества становится весьма нелёгким делом. Управляющие всё чаще прибегают к услугам частных детективных агентств и специалистов по «комплаенс», чтобы определить, где же именно находятся активы. При этом должники, преследуя цель сохранить как можно больше имущества, могут использовать ложные сделки и подставные структуры. Законодательство о несостоятельности обычно предусматривает ответственность за недобросовестное поведение, вплоть до уголовной, но, чтобы применить эти санкции, нужно иметь твёрдые доказательства, для получения которых необходимо международное сотрудничество.

В трансграничных процедурах банкротства физлиц важен вопрос прозрачности и стандартизации формы финансового отчёта должника [Чинчевич, 2021]. Разные государства требуют разные формы декларирования имущества, обязательств и доходов, иногда это приводит к двойному отчёту и путанице. Если человек декларирует одно и то же имущество по-разному, это может вызвать подозрения в сокрытии или вводе судов в заблуждение. Кредиторы, исходя из противоречий в поданных документах, могут добиваться пересмотра реестра требований или даже обвинять должника в мошенничестве. Проблему усугубляет то, что во многих юрисдикциях норм по цифровым формулам отчётности недостаточно, и всё ещё требуется громоздкий пакет бумажных документов. Государственные органы, ведающие вопросами несостоятельности, могут недостаточно эффективно взаимодействовать, если не подписаны соответствующие двусторонние соглашения. Всё это отражает необходимость выработки более гибких и современных стандартов обмена информацией.

Определённые ходатайства о признании иностранных решений рассматриваются судами в контексте принципа взаимности, когда государство соглашается признавать решения чужих судов, ожидая, что и его суды будут признаны за рубежом [Яковец, 2021]. В сфере банкротства это может стать ключевой гарантией, позволяющей избежать дублирующих процедур. Если одна страна признаёт решение о начале процедуры несостоятельности, вторая в ответ также может признать полномочия назначенного управляющего и приостановить собственное производство. Так достигается более быстрая и эффективная координация, и у должника появляется шанс пройти процедуру с меньшими затратами. Однако взаимность работает лишь там, где действительно существует соглашение или сложилась твёрдая судебная практика

признания. Бывает, что государства не готовы идти на такие уступки, и тогда должник вынужден доказывать всё с нуля в каждой новой юрисдикции.

Социальные и гуманитарные аспекты международного банкротства физических лиц также не следует недооценивать [Дьяченко, Лактионов, 2024]. С одной стороны, процедура банкротства помогает должнику начать жизнь «с чистого листа» и восстановить свой платёжеспособный статус. С другой стороны, если дело затрагивает иностранные активы и кредиторов, нередко именно самые уязвимые категории людей — эмигранты, рабочие-мигранты, пенсионеры за рубежом — могут столкнуться с крайними сложностями. Языковой барьер, отсутствие юридической помощи на новом месте и сложность национальных процедур подрывают их шансы на справедливое рассмотрение дела. Трансграничная банковская система касается также и семей, чьи члены проживают в разных странах и совместно несут финансовые обязательства. Государства всё чаще сталкиваются с ситуациями, когда гражданин объявляет себя банкротом в другой стране, пытаясь избежать платежей по долгам, возникшим на родине, и это вызывает волну общественных дискуссий о моральном аспекте таких решений.

В процедурах международного банкротства активно задействованы принципы прозрачности и информированности всех сторон [Милов, Андреев, 2021]. Должник обязан своевременно сообщать суду об открытии или закрытии счетов, об операциях с недвижимостью и крупными сделками. Ненадлежащее исполнение этого требования может повлечь санкции, вплоть до отказа в списании долгов по итогам процедуры. Кредиторы, со своей стороны, должны предъявлять требования в установленный срок и доказывать их обоснованность. Когда же речь идёт об иностранных кредиторах, дополнительной проблемой становится корректная юридическая коммуникация. Но без налаженного двухстороннего обмена информацией процедура затягивается на годы. В результате осознания важности информированности, некоторые страны вводят электронные реестры дел о банкротстве, доступные через интернет, что повышает прозрачность. Тем не менее, общедоступность данных может затрагивать права на конфиденциальность, и тут приходится искать баланс.

Международное банкротство физических лиц зачастую рассматривается как тест на адаптацию классических правовых институтов к вызовам глобализации [Назметдинов, Кошель, 2024]. Ведь ещё сравнительно недавно само понятие личного банкротства было новшеством в ряде стран, а трансграничный характер лишь усложняет ситуацию. Разница в правовых культурах и приоритетах может приводить к тому, что одни государства больше защищают интересы кредиторов, а другие — должника. Иногда на защиту должника влияют принципы социальной справедливости, заложенные в конституционных актах страны, где он проживает, а иностранный кредитор остаётся в тени. Или наоборот, приоритет экономики и инвестиционной привлекательности ставит местных кредиторов в преимущественное положение, дискриминируя иностранцев. Во всём этом многообразии позиций можно разглядеть попытки отдельных объединений, таких как ЕС, создать более гармонизированные правила, хотя универсальной системы пока не существует.

Нередко возникают ситуации, когда гражданин одной страны зарегистрировал компанию в офшоре, осуществлял через неё операции, а фактически проживал и генерировал доход в третьем государстве [Колчина, Голышев, 2023]. При банкротстве сложность такого международного сплетения интересов возрастает в разы, и судебные органы должны приложить много усилий, чтобы восстановить реальную картину происходившего. Юристы стараются выяснить, где действительно создавалась прибавочная стоимость, а где находились ключевые документы и счета. Важен и тот факт, на кого оформлены остатки средств, ведь офшоры часто

маскируют собственника. Кроме того, компании в офшорах используются для снижения налоговой нагрузки, и при банкротстве может обнаружиться, что значительная часть операций проводилась без уплаты налогов. В этом случае налоговые органы нескольких стран могут предъявить должнику внушительные санкции. Так реалии современного транскордонного бизнеса пересекаются с правом несостоятельности.

Практикующие юристы отмечают, что в международных делах о банкротстве физических лиц крайне велико значение альтернативных способов разрешения споров [Legal regulation of the liquidation procedure in the case of bankruptcy of legal entities, 2023]. Использование медиации, арбитража или переговоров напрямую между кредиторами и должником способно сэкономить время и деньги для всех заинтересованных сторон. Особенно это актуально, если кредиторы представляют разные юрисдикции, где судебный процесс может идти годами. При дружелюбном диалоге стороны могут выработать устраивающую всех схему реструктуризации, предусмотрев прозрачный механизм выплат и гарантии со стороны должника. Но это требует определённого уровня доверия и добросовестности, которые, к сожалению, не всегда присутствуют в конфликте. Тем не менее, существуют специальные медиаторы по вопросам банкротства, обладающие компетенцией в международной сфере, которые помогают упростить диалог.

Вопросы профессиональной этики, которые возникают при сопровождении международных банкротств, нередко становятся поводом для громких дискуссий [Мысак, 2021]. Адвокаты и управляющие, работающие в нескольких странах, должны придерживаться кодекса этики, принятого в каждом государстве, иначе они рискуют потерять лицензию. Сложность же в том, что национальные этические нормы могут отличаться, а иногда и конфликтовать. Есть случаи, когда в одной стране адвокат обязан сообщать суду о недобросовестном поведении клиента, а в другой стране на него может быть наложен запрет на раскрытие подобных сведений из-за профессиональной тайны. Это создаёт моральные дилеммы и поднимает вопрос о необходимости выработать единые стандарты этики для международной практики. Профессиональное сообщество стремится к налаживанию этой системы правил, но согласовать их на уровне отдельных государств непросто, ведь заказчики услуг тоже имеют собственное представление о возможном поведении юриста.

Влияние пандемии и общемировых кризисов на международное банкротство физических лиц вызывает особое внимание [Чинчевич, 2021]. Когда люди работают удалённо, проводят сделки онлайн и мигрируют из страны в страну, процесс поиска и учёта активов усложняется, а количество банкротств может возрастать. Многие государства во время пандемии вводили временные моратории или послабления в процедурах взыскания, что создавало особые условия для должников и кредиторов. Транснациональный характер кризиса вызывал необходимость координировать эти временные меры, но универсального механизма не выработано. В итоге каждый суд сталкивается с опытом собственных локдаунов, который не всегда сочетается с ситуацией в других странах. При этом цифра, цифровые сервисы и электронные площадки для проведения торгов по продаже имущества получают всё более широкое распространение, что открывает новые возможности для ускорения процессов.

Обучение специалистов в сфере международного банкротства становится всё более востребованным направлением [Клевцов, Масленникова, 2023]. Ведущие юридические вузы и бизнес-школы включают дисциплины, посвящённые несостоятельности с иностранным элементом, коллизионному праву и практическим аспектам взаимодействия с иностранными судами. Для практикующего юриста важно знать не только процессуальные правила, но и быть

ознакомленным с международными соглашениями и практикой их применения. Кроме того, знание языков и культурных особенностей стран, в которых могут быть активы должника, часто становится решающим фактором успеха в сложном процессе. Такие специалисты должны уметь максимально быстро оценивать риски, разрабатывать стратегию защиты интересов клиента и налаживать контакты с иностранными коллегами. Постепенно формируется сообщество арбитражных управляющих, специализирующихся или имеющих опыт в трансграничных делах.

При анализе современных трендов нельзя обойти вниманием цифровизацию судопроизводства [Дьяченко, Лактионов, 2024]. Всё чаще судебные заседания по делам с участием иностранных сторон проводятся в формате видеоконференций, что упрощает участие для нерезидентов. Подача документов в электронном виде стала обычным явлением в развитых странах, а некоторые государства признают даже электронные цифровые подписи иностранных лиц, если соблюдены необходимые стандарты. Электронные реестры, в которые вносятся сведения о банкротствах, помогают иностранным кредиторам своевременно узнать о процедуре и подать свои требования. Важным шагом становится внедрение систем искусственного интеллекта, позволяющих анализировать массивы документов и делать предварительный отбор. Однако правовая природа алгоритмов ИИ и их допустимость в судопроизводстве по-прежнему являются предметом обсуждения. Тем не менее, технологический прогресс меняет само лицо международного банкротства, делая его более быстрым и открытым.

Заключение

Несмотря на все сложности и неурегулированные аспекты, практика показывает, что международное банкротство физических лиц стало частью глобальных экономических реалий [Пахолкова, 2023]. Люди всё больше зависимы от кредитов, финансовых инструментов и экономических возможностей, которые предоставляются в трансграничном режиме. При этом юридическая система постепенно учится работать с такими кейсами, создавая прецеденты и устанавливая определённые стандарты. Кредиторы осознают, что сотрудничество с коллегами из других стран выгоднее, чем нескончаемые параллельные тяжбы. Должники, обладающие доброй волей, могут достичь мировых соглашений, не доводя дело до острых конфликтов и, возможно, сохранив часть репутации и активов. Таким образом, транснациональное банкротство, несмотря на всю его специфику, становится более управляемой процедурой, но остаётся крайне ресурсоёмкой и требующей высокого уровня юридической компетентности.

Правильное понимание правовых механизмов и особенностей международного банкротства физического лица позволяет заранее планировать стратегию и минимизировать риски. И кредиторы, и должники должны чётко знать, какая юрисдикция считается центральной и как она взаимодействует с остальными странами. Ключевым пунктом всегда остаётся потенциальное признание иностранных судебных решений и приоритет требований. При этом, чтобы добиться успешного результата, приходится привлекать экспертов по коллизионному праву, международной судебной практике, транзакционным расследованиям и аудиту. Государства также постепенно осознают, что качество правосудия и прозрачность процедур банкротства напрямую влияют на инвестиционную привлекательность, ибо иностранные субъекты хотят быть уверены в справедливом рассмотрении своих требований. Таким образом, международное банкротство физических лиц уже давно перестало быть редкостью и требует постоянного совершенствования правовых механизмов, отражающего растущую сложность мировой экономики и транснациональных связей.

Библиография

1. Дьяченко Е.М., Лактионов А.Е. Основные положения законодательства о банкротстве физических / юридических лиц в странах БРИКС // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 110-8. С. 145-149.
2. Клевцов Р.В., Масленникова Л.В. Правовые особенности банкротства физических лиц в Российской Федерации и зарубежных странах // Евразийский юридический журнал. 2023. № 4 (179). С. 228-230.
3. Колчина Е.И., Голышев В.Г. К вопросу о правоприменительной практике в делах о несостоятельности (банкротстве) иностранных физических и юридических лиц // Право и управление. 2023. № 11. С. 139-146.
4. Крахмалев Н.С. Международный опыт банкротства граждан // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 80-4. С. 76-79.
5. Милов П.О., Андреев А.А. Особенности функционирования института банкротства физических лиц в европейских странах // Евразийский юридический журнал. 2021. № 5 (156). С. 204-206.
6. Мысак Н.Я. О несостоятельности (банкротстве) физических лиц в зарубежной практике на примере США и государств Европейского союза // Евразийский юридический журнал. 2021. № 4 (155). С. 190-192.
7. Мысак Н.Я. Понятие и критерии несостоятельности (банкротства) физических лиц в российском праве и праве зарубежных стран // Евразийский юридический журнал. 2021. № 2 (153). С. 186-188.
8. Мысак Н.Я. Правовые особенности несостоятельности (банкротства) физических лиц в Австрии // Образование и право. 2024. № 7. С. 81-85.
9. Назметдинов Р.Р., Кошель А.А. Сравнительный анализ процедуры банкротства в Российской Федерации и странах зарубежья // Научный аспект. 2024. Т. 13. № 3. С. 1613-1618.
10. Пахолкова О.И. Проблемы банкротства физических лиц // Научный аспект. 2023. Т. 7. № 1. С. 797-803.
11. Рябичева О.И., Абасова М.А., Джабраилова М.А. Процедуры банкротства и их характеристика: отечественный и зарубежный опыт // Экономика и предпринимательство. 2021. № 5 (130). С. 1429-1432.
12. Седова Н.П., Арбузов Д.А. Особенности правового регулирования трансграничного банкротства физических лиц в Российской Федерации // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2023. № 1 (68). С. 103-105.
13. Чинчевич Е.В. Отдельные аспекты банкротства физических лиц в России и некоторых зарубежных странах // Право и экономика. 2021. № 5 (399). С. 41-45.
14. Яковец И.А. Особенности рассмотрения заявлений физических лиц – иностранных элементов о несостоятельности (банкротстве) в Российской Федерации // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 70-6. С. 93-97.
15. Legal regulation of the liquidation procedure in the case of bankruptcy of legal entities // Науковий вісник Дніпропетровського державного університету внутрішніх справ. 2023. Т. 1.

Legal aspects of international personal bankruptcy in the presence of assets and creditors abroad

Yuliya N. Novikova

Researcher,
Moscow University named after A.S. Griboyedov,
105066, 35 Novaya Basmannay str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Novikova@mail.ru

Abstract

The article examines the complex legal issues arising in the international bankruptcy of natural persons who hold assets or have creditors outside their main country of residence. The central problem is the clash of different national legal systems, which complicates the recognition and enforcement of insolvency judgments, the determination of applicable law, and coordination between courts of different states. Special attention is paid to the criterion for determining the debtor's center of main interests (COMI), which plays a key role in establishing jurisdiction for the

main insolvency proceedings, primarily within the EU law framework. The author analyzes the difficulties caused by the need for parallel or ancillary proceedings in the countries where the debtor's assets are located, leading to significant increases in time and financial costs. The conflict between the doctrine of universality (striving for a single global procedure) and the doctrine of territoriality (the right of each country to its own procedure regarding local property) is emphasized. Practical obstacles are examined, including differences in procedures for notifying foreign creditors, recognizing the powers of insolvency practitioners, challenging debtor transactions made before bankruptcy, and classifying assets (especially digital ones like cryptocurrency). The article highlights current issues exacerbated by globalization: increased mobility of individuals, the growth of cross-border financial obligations, the use of offshore jurisdictions to conceal assets, and the strategic choice of "convenient" jurisdictions. Collisions with other branches of law (family, tax, consumer) and issues of claim priority (for example, foreign tax authorities or alimony obligations) are considered. A trend is noted toward expanding case law based on principles of good faith and cooperation, as well as the growing role of digitalization of court proceedings and alternative dispute resolution methods. The article concludes that, despite efforts toward harmonization (through international conventions, EU regulations, and recommendations of organizations like UNCITRAL), the legal regulation of international personal bankruptcy remains fragmented. Its effectiveness largely depends on the willingness of states to mutually recognize decisions and compromise on public policy issues, as well as on the high level of competence of participating lawyers and practitioners operating within multiple legal systems.

For citation

Novikova Yu.N. (2025) *Pravovye aspekty mezhdunarodnogo bankrotstva fizicheskikh lits pri nalichii aktivov i kreditorov za rubezhom* [Legal aspects of international personal bankruptcy in the presence of assets and creditors abroad]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (3A), pp. 259-274.

Keywords

International bankruptcy, natural persons, cross-border assets, COMI, recognition of judgments.

References

1. Chincevich E.V. (2021) *Otdel'nye aspekty bankrotstva fizicheskikh lits v Rossii i nekotorykh zarubezhnykh stranakh* [Certain Aspects of Bankruptcy of Individuals in Russia and Some Foreign Countries]. *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], 5(399), pp. 41-45.
2. D'yachenko E.M., Laktionov A.E. (2024) *Osnovnye polozheniya zakonodatel'stva o bankrotstve fizicheskikh / yuridicheskikh lits v stranakh BRIKS* [Key Provisions of Bankruptcy Legislation for Individuals/Legal Entities in BRICS Countries]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the Development of Science and Education], 110-8, pp. 145-149.
3. Klevtsov R.V., Maslennikova L.V. (2023) *Pravovye osobennosti bankrotstva fizicheskikh lits v Rossiiskoi Federatsii i zarubezhnykh stranakh* [Legal Features of Bankruptcy of Individuals in the Russian Federation and Foreign Countries]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Law Journal], 4(179), pp. 228-230.
4. Kolchina E.I., Golyshev V.G. (2023) *K voprosu o pravoprimenitel'noi praktike v delakh o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) inostrannykh fizicheskikh i yuridicheskikh lits* [On the Issue of Law Enforcement Practice in Cases of Insolvency (Bankruptcy) of Foreign Individuals and Legal Entities]. *Pravo i upravlenie* [Law and Governance], 11, pp. 139-146.
5. Krakhmalev N.S. (2021) *Mezhdunarodnyi opyt bankrotstva grazhdan* [International Experience of Citizen Bankruptcy]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the Development of Science and Education], 80-4, pp. 76-79.
6. Legal regulation of the liquidation procedure in the case of bankruptcy of legal entities [Правовое регулирование процедуры ликвидации в случае банкротства юридических лиц]. *Naukovyi visnyk Dnipropetrovs'kogo*

- derzhavnogo universytetu vnutrishnikh sprav [Scientific Bulletin of Dnipropetrovsk State University of Internal Affairs], 1.
7. Milov P.O., Andreev A.A. (2021) Osobennosti funktsionirovaniya instituta bankrotstva fizicheskikh lits v evropeiskikh stranakh [Features of the Functioning of the Individual Bankruptcy Institution in European Countries]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Law Journal], 5(156), pp. 204-206.
 8. Mysak N.Ya. (2021) O nesostoyatel'nosti (bankrotstve) fizicheskikh lits v zarubezhnoi praktike na primere SShA i gosudarstv Evropeiskogo soyuza [On Insolvency (Bankruptcy) of Individuals in Foreign Practice: Examples from the USA and EU Countries]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Law Journal], 4(155), pp. 190-192.
 9. Mysak N.Ya. (2021) Ponyatie i kriterii nesostoyatel'nosti (bankrotstva) fizicheskikh lits v rossiiskom prave i prave zarubezhnykh stran [The Concept and Criteria of Insolvency (Bankruptcy) of Individuals in Russian Law and Foreign Law]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2(153), pp. 186-188.
 10. Mysak N.Ya. (2024) Pravovye osobennosti nesostoyatel'nosti (bankrotstva) fizicheskikh lits v Avstrii [Legal Features of Insolvency (Bankruptcy) of Individuals in Austria]. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 7, pp. 81-85.
 11. Nazmetdinov R.R., Koshel' A.A. (2024) Sravnitel'nyi analiz protsedury bankrotstva v Rossiiskoi Federatsii i stranakh zarubezh'ya [Comparative Analysis of the Bankruptcy Procedure in the Russian Federation and Foreign Countries]. *Nauchnyi aspekt* [Scientific Aspect], 13(3), pp. 1613-1618.
 12. Pakholkova O.I. (2023) Problemy bankrotstva fizicheskikh lits [Problems of Bankruptcy of Individuals]. *Nauchnyi aspekt* [Scientific Aspect], 7(1), pp. 797-803.
 13. Ryabicheva O.I., Abasova M.A., Dzhabrailova M.A. (2021) Protsedury bankrotstva i ikh kharakteristika: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt [Bankruptcy Procedures and Their Characteristics: Domestic and Foreign Experience]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and Entrepreneurship], 5(130), pp. 1429-1432.
 14. Sedova N.P., Arbuzov D.A. (2023) Osobennosti pravovogo regulirovaniya transgranichnogo bankrotstva fizicheskikh lits v Rossiiskoi Federatsii [Features of Legal Regulation of Cross-Border Bankruptcy of Individuals in the Russian Federation]. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata* [Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notariat], 1(68), pp. 103-105.
 15. Yakovets I.A. (2021) Osobennosti rassmotreniya zayavlenii fizicheskikh lits - inostrannykh elementov o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) v Rossiiskoi Federatsii [Features of Considering Applications from Individuals - Foreign Elements Regarding Insolvency (Bankruptcy) in the Russian Federation]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the Development of Science and Education], 70-6, pp. 93-97.